

Мотивы мотиваций: теория и прагматика

Составитель блока Константин А. Богданов

От составителя

From the Editor

Константин А. Богданов (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; ведущий научный сотрудник Центра теоретико-литературных и междисциплинарных исследований; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург), профессор департамента филологии; доктор филологических наук) konstantin.a.bogdanov@gmail.com.

Konstantin A. Bogdanov (Dr. habil.; Lead Researcher, Literary Theory and Interdisciplinary Research Center, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences / Professor, Department of Philology, St. Petersburg School of Social Sciences and Humanities, HSE University (Saint Petersburg)) konstantin.a.bogdanov@gmail.com.

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_207

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_207

Русский язык разводит понятия мотива и мотивации. Первое чаще встречается в филологии, искусствознании, музыковедении, биологии, второе — в психологии, социологии, экономике и праве, но этимологически и содержательно эти понятия связаны (оба происходят от лат. *movere* — ‘двигать, побуждать’), обозначая собою основание или обстоятельства какого-то действия в ситуациях речи, письма, рисунка, звука, процессе биологической эволюции или в выборе социально-психологической позиции. Можно было бы заметить, что понятие «мотивация» преимущественно (то есть в тех дисциплинах, где оно употребляется терминологически чаще и коммуникативно привычнее, чем слово «мотив») обозначает причину или сцепление причин для какого-то действия, а «мотив» — прежде всего в филологии и искусствоведении — некоторый «факт», элемент, деталь текста или изображения. Но строгого различения в этих случаях, впрочем, нет (как это имеет место, например, в английском языке: *motif* vs. *motive/motivation*), иногда «мотив» синонимичен «мотива-

ции» (так же в немецком и французском языках) — и это как раз тот случай, который заставляет нелишний раз задуматься о неслучайности их синонимии.

В разных дисциплинах оба эти понятия традиционно подразумевают определенную «простоту» их формальных признаков — но они же дают повод к уточнению их ситуативного и контекстуального обособления. В результате арсенал терминов, дополняющих сегодня эти понятия, непрерывно множится, и уже по одному этому демонстрирует разнообразие возможных критериев, а лучше сказать — ориентиров в понимании того целого, деталями которого они являются. Говоря иначе: мотив и мотивация, с одной стороны, — это то, что останавливает внимание в пространстве подвижной действительности, то, что придает умозрительному и/или очевидному беспорядку причинно-следственную определенность, наделенную структурным и/или смысловым значением. А с другой — это то, что высвечивает подвижное соотношение детали и целого.

Основной проблемой в этих случаях является соотношение формальных и содержательных примет. Но что считать критерием, формально достаточным для того, чтобы увидеть в нем и нечто содержательно необходимое? Меньшее, что можно сказать о мотиве, с этой точки зрения, сводится к тавтологии: мотив мотивирован тем, что он может быть выделенным. Теория литературы, как и любая гуманитарная дисциплина, напоминает в этом случае не только о том, что она нестрогая наука, но также и о том, что процедура подобного выделения определяется не только формальными особенностями текста, но также его исследовательской — рефлексивной и эмоциональной — герменевтикой. Разговор о мотивах — сколь бы много о них уже ни было сказано — остается в этих случаях по-прежнему интересным и, как мне представляется, интригующим не только в теоретическом, но также в прагматическом (а равно и жизненном) отношении, мотивируя к прояснению приемов, обстоятельств и контекстов, почему-либо важных для самого исследователя.

Ниже публикуемые статьи **Ярославы Захаровой** «“Мой даяяя-яяя-яяядаяя-яяя”: возвращения Пригова», **Ивана Делазари** «Шостакович по-английски: мотивы с чужих слов» и **Константина Богданова** «Пунктуация как мотив: многоточие и тире» посвящены разным сюжетам, но схожи в общем для них методологическом тезисе — утверждении понятия мотива не только как самоочевидного «факта» текста, но также как термина антропологизации социального и культурного опыта.

Константин Богданов